

Н. В. ПОНЫРКО

Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума

Я умышленно начну с цитаты: «. . . поп черной. . . взбесновался. Так мы вси ту ночь над ним возимся. Был у нас крест московского литья медной, так тем крестом ево все ограждали. А дьявол-от в нем кричит, студиено-де, ознобили-де меня, да указывает ко иконам на полку: вон-де ставрос деревянной, тем-де меня ограждайте, а етем-де ознобили меня. А тот крест не по подобию написан, двоечастной, а не троечастной, так дьяволу-то хочется, чтоб я ево тем крестом ограждал, ему уж то лехче. А я-таки не слушаю, ограждаю да даю целовать ему. А он зубами скрежещет, съесть меня хочет. Да бог ему не попустит. Так он мне ничего зла не учинил. И так-то мы с ним до полуночи провозились. Так он утомился да стал просится: дай-де мне отдохнуть. . . Потом утре встал, да меня призвал, да стал говорить мне: „Пожалуй-де, проговори надо мною евангелие все четыре евангелиста. Так я над ним по два дня говорил евангелие. Так ево бог, миленкова, помиловал: стал в разуме, здрав“».¹

Не правда ли, мы слышим речь протопопа Аввакума? Автор этих строк — не Аввакум, а старообрядческий старец Леонтий, в прошлом носивший имя Иоанна Лукьянова. Но разве они написаны не стилем протопопа Аввакума, разве их тема (исцеление бесноватого) — не любимая тема Аввакума, разве позиция писавшего их — не позиция Аввакума? Будь сочинение анонимным, неизбежно возник бы соблазн атрибутировать его протопопу Аввакуму. Однако автор известен, известно и время написания — 1701—1703 гг., 20 лет спустя после казни Аввакума.

Принято считать, что как писатель Аввакум представляет собой уникальное явление, не развившееся в литературную школу. Для суждения об уникальности Аввакума сочинение старца Леонтия имеет первостепенное значение. Между тем оно до сих пор не попадало в поле зрения специалистов по Аввакуму, хотя опубликовано давно: в 1863 г. С. А. Соболевский в журнале «Русский архив» издал Путешествие в святую землю священника Иоанна Лукьянова по рукописи собственной библиотеки.² Чуть раньше, в 1862 г., в «Калужских епархиальных ведомостях» был напечатан по другому списку очень небольшой фрагмент из этого сочинения Леонидом (тогда еще иеромонахом).³ В 1862 г. отдельные отрывки из него по 3-му списку были опубликованы А. М. Лазаревским в «Черниговском листке» (№ 4—6, 8).

¹ ГПБ, собр. Погодина, № 1543, л. 220—221.

² [С. А. С о б о л е в с к и й]. Путешествие в святую землю священника Лукьянова. — Русский архив, 1863, вып. I, стб. 21—64; вып. II, стб. 113—159; вып. III, стб. 223—263; вып. IV, стб. 305—344; вып. V, стб. 385—416 (изд. 2-е — 1866).

³ И[еромонах] [Л е о н и д]. Записки инока, уроженца г. Калуги, о его странствии во святой град Иерусалим из Москвы через Молдавию, Турцию, Египет в самом

Первая и единственная специальная работа, посвященная Хождению старца Леонтия, принадлежит М. И. Лилееву и вышла в свет в 1895 г.⁴ Статья М. И. Лилеева написана главным образом ради отождествления автора Хождения — старца Леонтия — с ветковским старообрядческим священником Леонтием, известным по судебным документам 20-х гг. XVIII в. Дело в том, что автор Хождения называется московским священником Иоанном Лукьяновым только в одном списке, а именно в списке Соболевского, по которому сделана публикация. В остальных случаях Хождение приписывается некоему старцу Леонтию. Из содержания Хождения ясно устанавливается старообрядческая ориентация его автора, родом калужанина. По следственным делам 1728—30-х гг. известен ветковский черный поп с таким же именем, обращавший в старую веру жителей окрестных Калуге мест, имевший келию в Брынских лесах. На этом основании Лилеев соединил автора Хождения в Иерусалим и ветковского отца Леонтия в одно лицо. Такое отождествление приходится считать только догадкой, так как никаких других фактов в его пользу, кроме общей принадлежности к старообрядчеству и близости к Калуге, не известно (о ветковском Леонтии известно очень мало, потому что сам он арестован не был и упоминается с чужих слов).

В ряду сочинений, относящихся к жанру Хождений, произведение учтено в новейшей работе К.-Д. Зееманна о паломнической литературе Древней Руси.⁵ К.-Д. Зееманн попутно отметил близость стиля хождения к стилю Жития протопопа Аввакума.⁶

Сейчас известно 13 списков Хождения:

1. ГПБ, F.IV.319, XVIII в. (последняя четверть), 1°, 76 л., полуустав (список С. А. Соболевского: Опубликованный).
2. ГПБ, Q.IV.410, XVIII в. (3-я четверть), 4°, 272 л., полуустав.*
3. ГПБ, собр. Погодина, № 1543, XVIII в. (3-я четверть), 4°, 255 л., скоропись.
4. ГПБ, собр. Погодина, № 1542, XVIII в. (вторая половина), 4°, 220 л., скоропись.
5. ИРЛИ, Древлехрамиле, колл. Перетца, № 532, 1806 г., 4°, 93 л., скоропись.
6. ИРЛИ, Древлехрамиле, колл. Смирнова, № 6, 1801—1806 гг., 4°, л. 121—130 об., полуустав. (Рукопись, ранее принадлежавшая П. И. Мельникову-Печерскому и обозначенная им как Цветник. Ср.: П. И. Мельников-Печерский. Полн. собр. соч., т. 13. СПб.—М., 1898, с. 44, а также ИРЛИ, колл. Смирнова, № 6, л. 1, владельческая запись).
7. ГИМ, собр. Уварова, № 1757, 1734 г., 4°, 150 л., скоропись.
8. ГИМ, собр. Уварова, № 1758, начало XIX в., 4°, 175 л., скоропись.
9. ГИМ, собр. Уварова, № 1759, XIX в., 4°, 165 л., скоропись новейшего письма.
10. Рукопись Черниговской духовной семинарии № 150, XVIII в. (конец), 4°, л. 226—342 (см.: М. И. Лилеев. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии. СПб., 1880, с. 178—182).
11. ГАКО, № 216 (1468), XVIII в. (2-я половина), 4°, 277 л., полуустав (см.: И. Ф. Голубев. Коллекция рукописей государственного архива Калининской области. Калинин, 1960, с. 33).*
12. ГАКО, № 217 (448), 1762 г., 4°, 121 л., скоропись.*
13. ГИМ, собр. Щукина, № 245, XVIII в. (конец), 4°, 166 л., скоропись.

Все списки разделяются на 3 варианта, разнящихся между собой только началом. Текст собственно паломничества во всех списках идентичен, не считая мелких разночтений.

начале прошедшего столетия. — Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям, 1862, № 20, с. 344—357.

⁴ М. И. Лилеев. К вопросу об авторе «Путешествия во Св. землю» 1701—1703 г. московском священнике Иоанне Лукьянове, или старце Леонтии. — Чтения в историческом обществе Нестора летописца, т. IX, Киев, 1895, отд. 2, с. 25—41.

⁵ К.-Д. Зееманн. Die Altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 366—376.

⁶ Ibid., S. 375.

* Сердечно благодарю О. А. Белоброву, указавшую мне на эти рукописи.

1-й вариант представлен одним списком. Это список Опубликованный. Особенности его таковы: рукопись заглавия не имеет, начинается с проезжей грамоты, помеченной 15 июня 1710 г., московскому жителю священнику Иоанну Лукьянову, за которой идет традиционное вступление, где автор, старец Иоанн, говорит о себе, что писал «не возносяся», но любви «ради святых мест», «понужден некими отцы и братиею», затем следует собственно повествование о паломничестве, начинающееся с 23 декабря в Калуге.

2-й вариант представлен списками: ГПБ, собр. Погодина, № 1543; ГИМ, собр. Уварова, № 1757; ГИМ, собр. Уварова, № 1758; ГИМ, собр. Уварова, № 1759; ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 538; ГАКО, № 217 (448). Имеет следующее заглавие: «Описание пути ко святому граду Иерусалиму от Москвы до Киева, от Киева до Воложской земли, от Воложской земли до Дуная великия реки, а от Дуная до Царяграда, и от Царяграда до святого града Иерусалима, то все хождение морем, токмо полтора дни землею. Лета 7210 году месяца декабря в 17 день хождение во Иерусалим с Москвы старца Леонтия». Проезжей грамоты в списках 2-го варианта нет и нет авторского вступления. Начинается Хождение с выхода из Москвы 17 декабря, пропущенного в 1-м варианте.

3-й вариант содержится в рукописи ГПБ, Q.IV.410. Он идентичен 2-му варианту, но перед заглавием имеет авторское вступление, такое же, как и в 1-м варианте, с соответственной заменой имени Иоанн на Леонтий.

В списках ГПБ, собр. Погодина, № 1542 и ГАКО, № 216 (1468) утрачено начало, и потому затрудняется их отнесение к тому или иному варианту. Список ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Смирнова, № 6 представляет собой отрывок из середины Хождения.

Что касается даты 1-го варианта — 1710 г. — ошибочность ее установил еще Лилеев: целый ряд исторических деталей Хождения указывает на 1701—1703 гг. В подлинности имени Иоанна Лукьянова не приходится сомневаться. Лилеев отыскал в делах архива Министерства иностранных дел и опубликовал подорожную на имя священника Иоанна Лукьянова, выданную в 1701 г. для проезда в Иерусалим.⁷

Возможно, что имена Иоанна Лукьянова и Леонтия в разное время носило одно лицо. Иоанн Лукьянов мог стать старцем Леонтием либо при перекрещивании, либо при пострижении.

Все, что мы знаем об Иоанне-Леонтии, известно с его же слов, из текста Хождения. Он был родом из Калуги, которую называет «отечество наше драгое». В декабре 1701 г. отправился с какими-то спутниками (о которых ничего не известно) в путешествие из Москвы в Иерусалим. Путь его лежал через Украину, Валахию, Царьград. В Иерусалиме он пробыл 14 недель и вернулся назад. Хождение заканчивается возвращением в г. Нежин.

На принадлежность Леонтия к старообрядчеству указывают следующие признаки: 1) отношение к двуперстию — паломник собирал свидетельства в его пользу; описывая мощи святых Киево-Печерского монастыря, он разразился целой тирадой в пользу двуперстного сложения; 2) при описании Царьграда он поместил большой раздел «О несогласии греческом с восточною церковью», где критиковал иерархию и обряды греческой церкви с последовательство старообрядческих позиций.

Существует ясная близость стиля старца Леонтия к стилю протопопа Аввакума.

⁷ М. И. Лилеев. К вопросу об авторе. . . , с. 26—30.

О стиле можно говорить в разных аспектах: стиль как явление языка, стиль как явление поэтики, стиль как поведение. В нашем случае не приходится говорить о стиле как явлении поэтики, так как произведения Аввакума и Леонтия принадлежат к разным жанрам, но представляется возможным сопоставить стиль как явление языка и стиль как поведение.

Начну с языка. Доминирующая особенность языка Аввакума — ориентация его на просторечие. Хождение старца Леонтия также написано в просторечной манере. Приведу параллельные примеры, обращая внимание на общий сниженно-народный колорит и на буквальные при этом совпадения (курсив мой).

Аввакум: «*Прибрел* к Москве, духовнику Стефану показался» (с. 64).⁸

Леонтий: «Хлеба поели да опять *побрели*» (л. 18 об.).⁹

Аввакум: «Быто добрый человек — другой фарисей с г. . . *рожею* — со владыкою судитца захотел» (с. 71).

Леонтий: «Так *рожи* наши стали что пьяныя» (л. 130).

Аввакум: «А я. . . на бок *повалился*» (с. 335).

Леонтий: «А сами тако же утомились, что сонные *валяемся*» (л. 18 об.).

Аввакум: «Владычице, уйми *дурака* — тово» (с. 73).

Леонтий: «А *дураку* закон не писан, вольно кому хошь мясо есть» (л. 98).

Аввакум: «Я бедной тебе *ворчу*» (с. 161).

Леонтий: «А сам *заворчит* да и прочь» (л. 154).

Аввакум: «А старые те *черти* все падоша в пустыни» (с. 163).

Леонтий: «А арапы дикия да и задрались, . . . *черт на черта* нашел» (л. 169).

Аввакум: «Да уж, государь, пускай быти тому так, положь то дело за *игрушку*» (с. 194).

Леонтий: «Игумен стал «Отче наш» говорить сидя . . . а я встал да гляжу, то еще первоначальная их *игрушка*» (л. 92 об.).

Аввакум: «*Накудесил* много, горюю, в жизни сей» (с. 158).

Леонтий: «Уж греков перещепетили волохи службою церковною . . . мрак несшел ис того их *кудосенья*» (л. 42).

Как на одну из особенностей стиля Аввакума указывают на употребление им постпозитивного члена.¹⁰ То же свойственно языку старца Леонтия.

Аввакум: «Прямые добрые стрельцы *те* люди» (с. 103); «Большо у Христа тово остра шелепуга *та*» (с. 63); «Не больно было с молитвою *тою*» (с. 71); «Плюнуть на действие *то* и службу *ту* их, да и на книги *те* их» (с. 85).

Леонтий: «И была у него полтина *та*, да он болно свято стал жить» (л. 35); «Горам *тем* конца нет» (л. 37 об.); «А я смотрю, где у них каноны *те* делись, во окно знать улетели. Легко су, хорошо етак служба *та* говорить, да знать легко и спасение *то* будет» (л. 41 об.); «Бабу *ту* или девку. . . да. . . с лошади долой» (л. 153); «Увечье *то* пуще денег» (л. 155).

⁸ Здесь и далее Аввакума цит. по кн.: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. В скобках указываются страницы этого издания.

⁹ Здесь и далее Леонтий цитируется по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1543. В скобках указываются листы этой рукописи. Издание С. А. Соболевского не использовано для цитирования потому, что имеет ряд мелких неточностей.

¹⁰ М. Г. Х а л а н с к и й. Из заметок по истории русского литературного языка. II. О члене в русском языке. СПб., 1901, с. 14—18; П. Ч е р н ы х. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия, I, II. I. Житие протопопа Аввакума им самим написанное как памятник северновеликорусской речи XVII столетия. Иркутск, 1927, с. 47—51. М. Г. Халанский в своей работе на с. 18 упоминает о московском священнике Лукьянове и употреблении им членной формы.

Аввакуму свойственно употребление вводных слов «петь» и «су»: ¹¹ «А что, *петь*, о Иване том больно сокрушаться!» (с. 212); «Полно, *су*, плюскать» (с. 212); «А мне, *петь-су*, своих тех как покинуть» (с. 214); «Да что, *петь*, делать!» (с. 73); «Как, *су*, мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о *су*» (с. 89).

К вводным словам «петь» и «су» прибегает и Леонтий: «Так, *су*, что делать, мы и пошли с патриархова двора» (л. 64 об.); «А я, *су*, и прихвастал кое-что» (л. 94); «Что, *петь*, у вас вестей-та в Цареграде много, кто вам приносит?» (л. 96); «Вот, мол, *су*. . . беси» (л. 128); «А я, *су*, ну он провалился» (л. 155); «Беда, *су*, со арапами, нигде от них уходу нет» (л. 168 об.); «А я, *су*, что, *петь*, делать» (л. 226).

От лексики обратимся к синтаксису. Здесь также много общего. В языке Аввакума выделяются короткие самостоятельные предложения с глагольным стержнем: ¹² «Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал» (с. 71); «Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит» (с. 70).

Так пишет и Леонтий: «Дождь весь день шел, студено было, все перемокли и перезябли» (л. 36 об.); «Переправы лихия, горы высокия, посидеть негде, чтобы отдохнуть, все пеши брели» (л. 37 об.).

Часто повторяющиеся у Аввакума синтаксические конструкции с союзами «так» и «ано» также характерны для Леонтия.

Аввакум: «И я паки свету-Богородице докучать. . . так она надежа уняла» (с. 73); «И мне неможется, так меня подымает» (с. 99); «Да осреди побой вскричал я к нему: „полно бить тово“, так он велел перестать» (с. 71); «На Кострому прибежал — ано и тут протопопа Даниила изгнали» (с. 64); «Навуходоносор глядит — ано сын божий четвертой с ними» (с. 224); «Он чаял: Христос просто положит — ано пуци и старова стали беситца» (с. 77).

Леонтий: «Да спаси ево бог, не потеснил нас. . . так нам покойно было» (л. 20 об.); «Проводник ропчет, не хочет итти с нами, так мы ево стережем» (л. 44); «И толмач сказал мне патриарховы все речи, так мне стало горько» (л. 63); «Потом арапы стали нас бить, грабить. . . только кто кошелек вынул — ан другой с стороны и вырвал совсем, а не дать, так бьют, а станешь давать, так с одного места четверть часа не пустят, что от собак не отобьешься» (л. 152—152 об.); «Пришли в метаху — ан игумна нет, мы тут его ждем — ан ему там на базаре про нас сказали» (л. 127 об.); «А поутру поглядим — ан на том же месте все шатаемся» (л. 139); «Потом мы смотрим — ан перед вечером и пришел тот же корабль назад» (л. 222 об.).

В ритмике Аввакума довольно быстрый темп рассказа время от времени прерывается восклицательными предложениями с разнообразными эмоциональными интонациями. В этом Леонтий опять поразительно близок Аввакуму.

Аввакум: «Ох, горе мне!» (с. 173); «Ох, души моей и горе» (с. 189—190); «О увы и горе» (с. 317).

Леонтий: «Ох, беда!» (л. 134); «Ох, дорожка!» (л. 169 об.); «Увы да горе» (л. 147 об.).

Аввакум: «Да что, *петь*, делать» (с. 136, 96); «Да что, *петь*, делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так» (с. 73).

Леонтий: «Да что делать, быть так» (л. 222 об.); «Так, *су*, что делать» (л. 64 об.); «Что говорить!» (л. 42).

Аввакум: «Полно тово плачевнова дела говорить» (с. 69).

¹¹ П. Черны х. Очерки. . . , II, с. 19—20.

¹² В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — В кн.: Русская речь. Сб. ст. под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923, с. 267.

Леонтий: «Полно, забыто, слава богу свету» (л. 37).

За сходством языка стоит сходство стиля как поведения. Поведение в данном случае я понимаю широко — не только поступки, но и мироощущение (что человек видит в мире и как об этом говорит).

Уже был приведен фрагмент из Хождения старца Леонтия об исцелении бесноватого. В глаза бросается не просто тематическое сходство с Аввакумом, но и сходство позиции. «И так-то мы с ним (бесноватым, — *Н. П.*) до полуночи провозились», — пишет Леонтий. Сравним с аввакумовским: «Ночь всю зимнюю с ним простряпал» (с. 112) — об исцелении взбесновавшегося брата Евфимия. По-аввакумовски и умиляется Леонтий над бесноватым: «Так ево бог, миленькова, помиловал».

Умиление вообще одна из доминант в мироощущении обоих авторов. Умиление примешивается у них и к любви, и к жалости, и к благодарности и выражается сходными языковыми средствами.

Аввакум о сыне Иване: «Начевал, милой, и замерз было тут» (с. 72); о жене Афанасия Пашкова: «Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве» (с. 79); о царе Алексее Михайловиче: «Он же, миленькой вздохнул да и пошел куды надобе ему» (с. 88); о царице Марье Ильиничне: «Она за нас стояла в то время, миленькая» (с. 95); о князе Воротынском: «Миленькой мой, боится бога, сиротинка Христова, не покинет ево Христос» (с. 95).

Леонтий: «Спаси их бог, миленькия, добрые люди белевича» (л. 8 об.); «Спаси ево бог за ево любовь, дивной человек. . . спастися, миленькой, всячески хочет» (л. 13); о паромщиках: «А они, миленькия, едва с нуждою судно на нашу сторону перегнали» (л. 21 об.); о русских паломниках: «Миленькая Русь, не только накормить, и места не дадут, где опочинуть с пути, таковы-то греки милостивы» (л. 65 об.); о русских невольниках на турецких каторгах: «Таковы миленькия рады, как есть во аде сидят» (л. 85).

Умиляются над собой (и это передается одинаковыми приемами): ангел в темнице Аввакуму «*хлебца* немного и *штец* дал похлевать» (с. 66), а Леонтию один доброхот «на путь *рыбки* пожаловал, а коням *овсеца*» (л. 5 об.).

Умиляются не только над человеком, но и над всякой «тварью божией». У Аввакума это «курочка», кормившая его семью в Сибири, и «собачка», приходившая в темницу, у Леонтия — «лошадка», везшая его по многотрудным дорогам (л. 45 об.).

Умиление так впитано стилем, что проникает даже в иронию и сарказм.

Аввакум: «А ты, *миленькой*, посмотри-тко в пазуху-то у себя, царь христианской» (с. 159).

Леонтий: «А у митрополита (Киевского, — *Н. П.*) поют пение органное еще пуци органов. Старехонек, *миленькой*, а охоч до органа пения» (л. 24).

Умиляются не только сами авторы, они и мир видят умиляющимся. Сквозь призму умиления рисуются целые картины. Вокруг Аввакума и Леонтия часто плачут, умиляются. Вот два параллельных эпизода.

Аввакум покидает Лопатицы: «Аз же, взяв ключку, а мати — некрепенцова младенца, побрели аможе бог наставит. А сами, пошед, запели божественные песни. . . А *провожающие жители* того места, мужи, и жены, и отроча, множество народа, с *рыданьем плачуще* и сокрушающе мое сердце далече нас *провожали в поле*. Аз же. . . *насилу в дом их возвратил*, а с домашними впредь побрели» (с. 62).

Леонтий о белевичах и калужанах: «. . . *провожали нас за град версты* з две. А сами, миленькия, *так плачут, не можем их назад возвратить*. И едва их возвратихом вспять, кабы де мочно, мы бы-де с вами шли. И уже

мы поле отшедши поприща з два, оглянемся назад, а они, такая миленькия, стоят да кланяются вслед нам. Такая любовь огненная. Мы подивилися такой Христовой любви» (л. 14—14 об.).

Аввакум: «У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет. Рады, миленькие, нам. И с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи. Плачут миленькие, глядя на нас, а мы на них» (с. 86).

Леонтий: «А из Ерусалима вышли на поле христиане: греки, армяне, кофти, французы, иноки, мужи и жены. Все встречают нас, а сами плачут. Как-де вас бог пронес от арапов? А мы так же плачем» (л. 157).

Как видим, окружающие Аввакума и Леонтия люди часто ведут себя одинаково. И сами они часто ведут себя одинаково. В минуту беды оба вопят к богу.

Аввакум: «А я, на небо глядя, кричу: „Господи спаси, господи помози“. И божиею волею прибило к берегу нас» (с. 70); «Да то ж, да то же беспре-станно говорю, так горько ему, что не говорю „Пощади“» (с. 71).

Леонтий: «А как набегут арапы. . . так я . . . безпрестани кричу к богу то: „Владыко человеколюбче, помози за молитв отца нашего Спиридона“. Так они и прочь от меня» (л. 153); «А я, су, то же да то же: „Господи, помози за молитв отца нашего Спиридона“. Так-то и нас бог свят и спас» (л. 133 об.).

На просьбу царя Алексея Михайловича соединиться с греческими патриархами Аввакум отвечал так: «И я говорю: „Аще и умерети ми бог изволит, с отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли да и тебя проглотить сюды при-волоклися“» (с. 104).

Когда старцу Леонтию представилась возможность высказаться о греческом духовенстве и его взаимоотношениях с русским царем, он сказал об этом почти теми же словами: «И я ему сказал: „Что вы прилетаетесь к нашему царю, да еще и укоряете. Ведь его не ваш царь. Вы имели у себя своего царя, да потеряли. А ето московский царь, а не греческой“» (л. 95—95 об.).

Грубоватая прямота и смелость, приверженность к национальной культуре — также сходные черты поведения обоих авторов. Бранятся они также одинаково. Вот в Царьграде греческий патриарх, отказавшись приютить паломников, намекает, что мог бы это сделать за подарки. Как реагирует на это Леонтий: «И толмач сказал мне патриарховы все речи, так мне стало горько и стыдно. А сам стоя да думаю: не сума ли шпол, на подарки напался. Люди все прохарчились, а дорога еще бесконечная! И так я долго ему ответу не дал. . . а дале от горести лопанул, есть что и неискусно, да быть так. Никак, мол, пьян ваш патриарх, ведает ли он и сам, что говорит. Знать, у него ничего нет, что уже с меня, странного и убогого человека, да подарков просит. Где было ему нас, странных, призреть, а он и последнее с нас хочет сорвать. Провались он, окаянной, и с кельей. У нашего патриарха и придворники искуснее того просят. А то тако же, как не срамно просить подарков. Знать, у него пропасти та мало. Умрет, так и то пропадет. И толмач меня унимает. Полно-де, отче, тут-де греки и иныя русский язык знают. . . И я ему велел говорить, я веть ни его державы, не боюся. . . И толмач ему сказал мой все речи со стыдом. Так он, милой, и пуще зардился. . . я, плюновши, да и с лестницы пошел» (л. 64). Здесь все аввакумовское — и вспыльчивость, и «не боюся», и «плюновши», весь стиль брани — от повода к ней до поведения и жеста.

Леонтий в своем произведении ни разу не упоминает Аввакума. Но он был старообрядец и не мог не знать о протопопе и его сочинениях. Когда он писал Хождение, прошло уже двадцать лет после сожжения пу-

стозерских узников. Но нам не известен возраст Леонтия, он вполне мог быть младшим современником Аввакума (таким, скажем, как дьякон Феодор).

Есть еще одно сочинение, созданное в близкое время, стиль которого тоже тяготеет к стилю протопопа Аввакума. Я имею в виду «Отрагительное писание» инокa Ефросина, написанное в 1691 г.¹³ Ефросин в меньшей степени похож на Аввакума, чем Леонтий, но сопоставим по тем же признакам: язык и поведение. Я не буду проводить этого сравнения, а сошлюсь на статью А. С. Елеонской, где (к сожалению, очень вскользь) сделано сопоставление языка Аввакума и Ефросина.¹⁴

Важно следующее: Ефросин был родом калужанин. На единственном известном списке его сочинения читается такая приписка: «Списано с тетрадей с Минина приносу с Руси, с Калуги, из Белева, писма старца Ефросина».¹⁵ Леонтий тоже происходил из Калуги, калужане и белевичи провожали его в путь. Стало быть, оба писателя были земляками. Через Ефросина протягивается нить от Леонтия к Аввакуму, так как о Ефросине доподлинно известно, что он был хорошо знаком с творчеством Аввакума и близок к его окружению (начиная с 1667 г., т. е. при жизни Аввакума, провел несколько лет в знаменитой Курженской обители под наставничеством игумена Досифея¹⁶).

Известно, какой популярностью в конце XVII—начале XVIII в. пользовались сочинения Аввакума на Керженце и в Брынских лесах.¹⁷ Больше того, известно и то, что здесь в разгар полемики по догматическим вопросам ходили подложные сочинения, приписываемые Аввакуму. Об этом писал Ефросин: «Где увидите какое писмо, надписание имый протопопа Аввакума, не верте тому. . . Мне, рече, не един уже брат, покаялся: аз де многих прелщал, сложа писмо сам, как знаю, и подписал Аввакумово имя».¹⁸ Подделываясь под Аввакума, надо было неизбежно подделываться под его стиль. Я не хочу сказать, что Ефросин и Леонтий занимались подлогами, я хочу только указать на стимулирующую среду, в которой появились их сочинения, а также еще на один путь, каким распространялась школа Аввакума.

¹³ Е ф р о с и н. Отрагительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Сообщ. Х. Лопарева. СПб., ОЛДП, 1895 (далее — Ефросин).

¹⁴ А. С. Е л е о н с к а я. «Отрагительное писание инокa Евфросина» как памятник русской публицистики конца XVII в. — Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, 1970, № 363, с. 304—311.

¹⁵ Ефросин, с. 107.

¹⁶ Ефросин, с. 010—011.

¹⁷ П. С. С м и р н о в. Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908, с. 216—237.

¹⁸ Ефросин, с. 89.